

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online Journal

Выпуск 2, 2017

Issue 2, 2017

В. О. Никишин

КАК КУЛЬТУРА ПРЕОДОЛЕЛА НЕГАТИВНЫЙ СТЕРЕОТИП: ПОРТРЕТ МАВРЕТАНСКОГО ЦАРЯ ЮБЫ II В КОНТЕКСТЕ РИМСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДРАССУДКОВ

К концу эпохи Республики в коллективном сознании римлян сложилось немало этнических предрассудков в отношении Африки и африканцев. В контексте этих предрассудков автор статьи анализирует жизненный путь Юбы II — одного из клиентных царей Рима, правителя вассального царства Мавретании (25 г. до н. э. — 23 г. н. э.). Получивший блестящее образование, царь Юба, несмотря на свое африканское происхождение, был человеком эллинистической культуры и вошел в историю как *rex literatissimus* и писатель-эрудит. Он внес весомый вклад в распространение греко-римской культуры в Северной Африке. Двор просвещенного мавретанского царя был центром культурного обмена в период постэллинизма, наступивший после покорения Римом птолемеевского Египта. Жизнь и деятельность Юбы II стали примером того, как приобщение человека к высокой культуре свело на нет негативный стереотип и предрассудки, связанные с его этническим происхождением.

Ключевые слова: Юба II, Клеопатра Селена, Мавретания, этнические предрассудки, африканцы, финикийцы, карфагеняне, египтяне, сардинцы, «пунийская верность».

К концу эпохи Республики в коллективном сознании римлян сложилось немало разных предрассудков в отношении всего, что так или иначе было связано с Черным континентом, и прежде всего в отношении уроженцев Африки¹. Некоторое представление об этом нам дают тексты латинских авторов периода Поздней Республики, а также более поздние источники, в которых речь идет о реалиях конца республиканской эпохи. Известно, например, что в Риме африканцев считали легкомысленными лгунами,

¹ См.: Isaac 2006: Ch. VI–VII. В античности не было расизма, зато существовали «этнические предрассудки» (*racial prejudices*). См.: Snowden 1970;

Snowden 1983; Thompson 1989; Gruen 2006: 472 ff. (Под расизмом нами понимается система взглядов, в основе которых лежат идеи об изначальном раз-

о чем Цицерон заявлял не только публично (Cic. *Scaur.* 42), но и в личной переписке (Cic. *Att.* 11.7.3)². Плутарх в биографии того же Цицерона пишет: «Был некий Октавий, которому ставили в вину, будто он родом из Африки. Во время какого-то судебного разбирательства он сказал Цицерону, что не слышит его, а тот в ответ: “Удивительно! Ведь уши-то у тебя продырявлены”» (Plut. *Cic.* 26. Пер. С. П. Маркиша под ред. С. С. Аверинцева). В свое время триумвир Марк Антоний попрекал Октавиана тем, что его прадед по материнской линии будто бы являлся африканцем (Suet. *Aug.* 4.2). Эти факты, помимо всего прочего, свидетельствуют о том, что в среде римского гражданского коллектива отношение к уроженцам Африки было крайне негативным³.

Если говорить о латинских этнонимах, то здесь стоит особо выделить карфагенян, египтян и собственно африканцев (!). Дело в том, что в римской традиции этноним *Afri*, который мы традиционно переводим как «африканцы», никогда не был общим обозначением всех уроженцев Африки. В этом плане исключительно важным источником является «Югуртинская война» Саллюстия, в которой автор поместил весьма содержательный историко-этнографический очерк о народах и племенах, населявших Африку в конце II в. до н. э. (Sall. *Iug.* 17–19)⁴. Саллюстий повествует о маврах (*Mauri*) и нумидийцах (*Numidae*), ливийцах (*Libyes*) и гетулах (*Gaetuli*). Это и были те самые пресловутые *Afri*, которых нельзя было поставить на одну доску с карфагенянами и египтянами — носителями древней культуры Средиземноморья. Недаром Саллюстий описывает *Afri* с позиций «культурного примитивизма»⁵. По словам историка, это «род людей, отличающийся здоровьем, проворством и выносливостью. В большинстве своем они умирают от старости, за исключением тех, кто гибнет на войне или от когтей и клыков диких зверей, ибо от болезни редко кто из них умирает» (*genus hominum salubri corpore, velox, patiens laborum. Plerosque senectus dissolvit, nisi qui ferro aut bestiis interiere; nam morbis haud saepe quetquam superat*) (Sall. *Iug.* 17.6)⁶.

Историк утверждал, что гетулы и ливийцы — это «суровые и дикие люди» (*asperis incultique*), питавшиеся «дичью и подножным кормом, подобно скоту» (*quis cibus erat caro ferina atque humi pabulum uti pecoribus*) (Sall. *Iug.* 18.1). По его словам, «они не под-

деления человечества на высшие и низшие расы (из них первые являются создателями цивилизации и призваны господствовать над вторыми) и о решающем влиянии расовых признаков на интеллект и нравственность, поведенческие особенности и черты характера как отдельной личности, так и той или иной общественной группы либо даже общества в целом. Современный «новый расизм» делает акцент не столько на крови, сколько на культуре.) Краткий очерк литературы, посвященной восприятию римлянами «других», см.: Syed 2005: 371.

² В этом своем письме к Помпилию Аттику он назвал африканцев «самым лживым племенем» (*fallacissima gens*).

³ Слово в пике этому негативному стереотипу африканец Апулей писал в своей «Апологии»: «Не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его

нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь» (Apul. *Apol.* 24. Пер. С. П. Маркиша).

⁴ См.: Никишин 2000: 84–88.

⁵ О «культурном примитивизме» см.: Lovejoy, Voas 1935: 7–11. Саллюстий черпал свои сведения об африканских народностях из «пунийских книг» (*libri Punici*) нумидийского царя-интеллектуала Гиempсала II, не пренебрегая и рассказами местных жителей (Sall. *Iug.* 17.7). Этими источниками информации он располагал в бытность свою наместником Новой Африки в 46–45 гг. до н. э. О «пунийских книгах» см.: Matthews 1972: 330 ff.

⁶ Здесь и далее отсутствие фамилии переводчика означает, что перевод выполнен автором настоящей статьи.

чинялись ни обычаям, ни закону, ни чьей-либо власти. Ведя скитальческий образ жизни, эти бродяги обретали ночлег там, где их застигала ночь» (*ei neque moribus neque lege aut imperio cuiusquam regebantur; vagi, palantes, quas nox coegerat sedes habebant*) (Sall. *Iug.* 18.2). Гетулы, «народ дикий и грубый» (*genus hominum ferum incultumque*) (Sall. *Iug.* 80.1), жили «недалеко от стран с жарким климатом» (Sall. *Iug.* 18.9). Южнее них обитали лишь эфиопы (*Aethiopes*), а далее простирались «области, выжженные солнцем» (*loca exusta solis ardoribus*) (Sall. *Iug.* 19.6). Безусловно, Саллюстий в известной мере связывал «дикость» гетулов и ливийцев с тяжелыми природно-климатическими условиями той местности, которую они населяли⁷.

Нумидийцам, доставившим Риму массу неприятностей в годы Югуртинской войны (111–105 гг. до н. э.), латинский автор также дает крайне негативную характеристику. По его мнению, это люди, которым нельзя доверять (*genus Numidarum infidum*) (Sall. *Iug.* 46.3), коварные (Sall. *Iug.* 53.6) и вероломные (Sall. *Iug.* 61.3; 69.3; 91.7; 103.5). Бомилькара, предавшего своего господина, Саллюстий называет «вероломным от природы» (*ingenio infidus*) (Sall. *Iug.* 61.5). Для него нумидийцы — переменчивый и ненадежный народ (*genus hominum mobile*) (Sall. *Iug.* 91.7. Ср.: Sall. *Iug.* 46.3; 54.4), известный своим непостоянством (*mobilitas*) (Sall. *Iug.* 56.5. Ср.: Sall. *Iug.* 66.2) и склонностью к мятежам и переворотам (*genus Numidarum... novarum rerum avidum esse*) (Sall. *Iug.* 46.3. Ср.: Sall. *Iug.* 66.2; 4). Когда им сопутствовало военное счастье, нумидийцы бывали свирепы (Sall. *Iug.* 67.3) и дерзки (Sall. *Iug.* 94.4). В довершение этой характеристики Саллюстий порицает бытовавший у них обычай многоженства (Sall. *Iug.* 80.6–7).

Римляне презирали нумидийцев уже потому, что те были варварами (Sall. *Iug.* 65.2), и Саллюстий здесь не исключение. Однако показателен такой факт: дав в «Югуртинской войне» несколько уничижительных характеристик нумидийцам как этнической общности (характеристик, в которых он исходил из стереотипных римских представлений о «природе» нумидийцев), историк создал абсолютно индивидуальные психологические портреты трех нумидийских царей — Гиempсала I, Адгербала и Югурты, отдав дань как недостаткам, так и достоинствам этих людей⁸. Таким образом, говоря о конкретных людях, Саллюстий сумел преодолеть тот «этнический предрассудок», который он разделял со своими соотечественниками⁹.

Наконец, мавров Саллюстий характеризует как лживых и ненадежных людей (*vanum genus*) (см. Tertull. *De anima.* 20.3; Non. 4.416). Он порицает принятое у них многоженство (Sall. *Iug.* 80.6–7), отмечает их несдержанность и чрезмерную эмоциональность (*more suo laetari, exultare*) (Sall. *Iug.* 98.6), неоднократно указывает на «природ-

⁷ Примеры «географического детерминизма» у Саллюстия см.: Sall. *Iug.* 17.2; *Hist.* 3.74. Во времена, о которых идет речь, одни гетулы жили оседло, другие были кочевниками, т. е. вели более «дикий» образ жизни (*alios incultius vagos agitare*) (Sall. *Iug.* 19.5), промышляя разбоем (Sall. *Iug.* 103.4). Ливийцы, жившие на побережье, активно торговали с испанцами (Sall. *Iug.* 18.9). Вероятно, именно поэтому они были менее воинственными (*minus bellicosi*), нежели их соседи, кочевники-гетулы (Sall. *Iug.* 18.12). Этот

пример позволяет заключить, что в представлении Саллюстия кочевой быт обуславливал дикость и воинственность в той же мере, что и занятия торговлей — более цивилизованный и миролюбивый нрав.

⁸ См.: Никишин 2000: 86–87.

⁹ Кроме того, историк-моралист остался верен себе и включил в свой нумидийский «логос» элементы «культурного примитивизма». См.: Никишин 2000: 87–88.

ное непостоянство» (*mobilitas ingeni*) мавретанского царя Бокха I (Sall. *Iug.* 88.6; 102.15; 113.1), очевидно ничуть не сомневаясь, что это «природная черта» не только мавров и нумидийцев, но и вообще всех африканцев.

Цицерон причислял африканцев к «диким и варварским народам» (Cic. *Qu. fr.* 1.1.27). В речи «В защиту Скавра» (54 г. до н. э.) он напомнил присяжным о принятой в то время схеме этногенеза, согласно которой финикийцы, карфагеняне, африканцы и сардинцы были родственными народами. Стремясь дискредитировать показания свидетелей из Сардинии, Цицерон пытался убедить аудиторию в том, что все сардинцы — лжецы уже в силу своего этнического происхождения. Он начал издали: «Все письменные памятники древности и все исторические сочинения изобличают перед нами племя финикийцев (*genus Phoenicum*) как самое лживое (*fallacissimum*). Происшедшие от них пуны (*Poeni*) неоднократными воинственными выступлениями карфагенян, частыми нарушениями и попранием договоров доказали, что они не изменили родству. Сарды, которые произошли от пунов с примесью африканской крови, не просто высадились на Сардинии и там обосновались, но были изгнанными и отверженными переселенцами¹⁰. Поэтому, так как в этом племени не было честности изначально, как же твердо мы должны быть уверены в том, что в результате стольких смешений положение еще более ухудшилось!» (Cic. *Scaur.* 42–43). На том основании, что Африка — «родительница» Сардинии, оратор охарактеризовал сардинцев как «лживое племя» (*gens fallax*) (Cic. *Scaur.* 45). Недаром он считал, что «много значит кровное родство» (Cic. *Rosc. Am.* 63).

О египтянах¹¹ Цицерон отзывался как о «самом неиспорченном народе» (*incorrupta maxime gens*) (Cic. *Rep.* 3.14). Такая оценка была порождена представлением об отсутствии у них того упадка нравов, о котором неоднократно писали римские моралисты применительно к своим соотечественникам, и содержала элемент идеализации. По мнению оратора, египтяне, безусловно, являлись народом высокой культуры, ибо располагали «хрониками событий за много веков» (*plurimorum saeculorum et eventorum memoriam litteris*) (Cic. *Rep.* 3.14). Вместе с тем Цицерон отдавал дань традиции, называя египтян «варварами» (*barbaria*) (Cic. *Nat. deor.* 1.81; *Verr.* 2.5.157). По-видимому, такая оценка египтян, помимо чисто механического («инстинктивного»), обусловленного традицией отнесения их как негреков к числу «варварских» народов, была вызвана некоторыми их обычаями, которые Цицерон в своих философских трактатах характеризует как «предрассудки» (*pravitates errores*) (Cic. *Tusc.* 5.78), достойные презрения (Cic. *Tusc.* 1.108) и осмеяния (Cic. *Nat. deor.* 1.101). Речь идет прежде всего о почитании египтянами зверообразных богов (Cic. *Rep.* 3.14; *Nat. deor.* 1.81; *Tusc.* 5.78), а также об их погребальном обряде, предусматривавшем бальзамирование покойников с последующим захоронением их в собственных домах (!) (Cic. *Tusc.* 1.108). Упоминает Цицерон и о человеческих жертвоприношениях легендарного царя Бусириса (Cic. *Rep.* 3.15). Таким образом, отно-

¹⁰ По преданию, название острову дал сын Геракла, Сард, приплывший туда со своим народом из Африки.

¹¹ «К египтянам римляне обычно относились с ненавистью и презрением, причем порой они едва различали собственно египтян и египетских греков»

(Balsdon 1979: 68). По мнению Б. Айзека, «не было другого народа, который настолько раздражал бы многих греков и римлян, как египтяне» (Isaac 2006: 370). Представление Цицерона о Египте и египтянах проанализировано в диссертации М. С. Чисталёва. См.: Чисталёв 2014: 49–51.

шение оратора к египтянам носит двойственный характер: с одной стороны, он питал уважение к их древней культуре и разделял мнение об их безупречных нравах, а с другой — с непониманием и неприятием относился к тем египетским обычаям, которые считал «варварскими», т. е. несовместимыми с понятием *humanitas*¹².

Последние годы Римской республики (36–30 гг. до н. э.) прошли под знаком конфликта с Клеопатрой, когда по инициативе Октавиана против Египта была развернута пропагандистская война¹³. Лишь самоубийство Клеопатры, сумевшей найти достойный выход из безвыходной ситуации и сохранить лицо, отчасти примирило римскую общественность с той, которую Гораций назвал «роковым чудовищем» (*fatale monstrum*) (Horat. *Od.* 1.37.21). В той же оде Гораций с восхищением писал о египетской царице, которая предпочла смерть бесчестию: «Но, хоть и женщина, / Меча она не убоялась, чуждых краев не искала с флотом, — / Нет, умереть желая царицею, / На павший дом взглянула с улыбкою / И злых змей к груди прижала, / Чтобы всем телом впитать отраву: / Она решилась твердо на смерть идти / Из страха, что царицей развенчанной / Ее позорно для триумфа / Гордого вражья умчит либуерна» (Horat. *Od.* 1.37.22–32. Пер. Г. Ф. Церетели)¹⁴. Аналогичный мотив мы находим и в одной из элегий Проперция (Propert. *Eleg.* 3.11.52–54)¹⁵. Характерно, что римская литература эпохи Принципата сохранила негативный образ Египта и египтян¹⁶.

Наконец, с конца III в. до н. э. не только в римской пропаганде, но и в общественном сознании римлян формировался образ врага в лице карфагенян, порожденный тем иррациональным страхом, который закрался в души соотечественников Катона Старшего после Канн. Именно тогда, в 216 г. до н. э., возник пресловутый *metus Punicus* («страх перед пунами»)¹⁷. Издавна существовавший в греческой литературной традиции образ лживого и вероломного финикийского купца в эпоху Пунических войн был перенесен на карфагенян и воспринят римской пропагандой¹⁸. Классический римский стереотип в отношении финикийцев и карфагенян¹⁹ включал в себя такие черты «национального характера», как *calliditas* (хитрость), *perfidia* (вероломство)²⁰, *crudelitas* (жестокость), *libido/luxuria* (распушенность)²¹ и *avaritia* (алчность)²². Безусловно, римляне были склонны демонизировать карфагенян, с которыми им пришлось так долго и упорно воевать²³. В частности, Цицерон характеризовал пунов как хитрых и вероломных лжецов (Cic. *Off.* 1.38; *Scaur.* 42; *Har. resp.* 19; *Leg. agr.* 2.95); говоря о «пунийских

¹² Понятие *humanitas* у Цицерона носит универсальный характер и по сути своей наиболее близко современному понятию «цивилизация». См.: Arnaldi 1941; Baldry 1962: 195; Guillemin 1955; Mayer 1950; Nybakken 1939; Ruch 1958: 193–204; Ruch 1970: 80–94.

¹³ См.: Чисталёв 2014: 69; Чисталёв 2014а: 294.

¹⁴ Чисталёв 2014а: 295.

¹⁵ Подробнее о «благородной смерти» см.: Никишин 2010.

¹⁶ Чисталёв 2014: 69 слл.

¹⁷ См.: Никишин 2012; Никишин 2014; Никишин 2014а; Никишин 2015.

¹⁸ Имеется в виду *Punica fides* («пунийская верность»). См.: Prandi 1979: 93 ff.

¹⁹ В этническом плане собственно финикийцы в античной литературной традиции практически не отличались от карфагенян (см.: Waldherr 2000: 205, п. 55). О стереотипном образе карфагенян в трудах греческих и латинских авторов см.: Isaac 2006: 324 ff.; Syed 2005: 366 ff.; Gruen 2006: 468 ff.

²⁰ О вероломстве см.: Burck 1943: 301; Cassola 1983: 51–52; Mantel 1991; Devallet 1996: 19.

²¹ См.: Dauge 1981: 64.

²² См.: Waldherr 2000: 200. Ср.: Opelt, Speyer 1992.

²³ Gruen 2006: 469.

обычаях и образе мыслей» (Cic. *Balb.* 39), он подразумевал в первую очередь хитрость и двуличие (Cic. *Off.* 1.38; 3.100; *Senect.* 75; *Fin.* 4.56; *Acad.* 2.98; *Phil.* 11.9; 14.9; *Amicit.* 28). В представлении Тита Ливия карфагенян отличали коварство, хитрость и вероломство (Liv. 21.4.9; 22.6.11–12; 25.39.1; 27.33.9; 30.22.5–6; 30.27; 32.7; 34.31.2–4; 42.47.7). В текстах Саллюстия карфагеняне предстают смертельными врагами римлян (*aemula imperi Romani*) (Sall. *Cat.* 10.1). Историк упоминает о *metus Punicus* (Sall. *Hist.* 1.12) и *Punica fides* (Sall. *Iug.* 108.3)²⁴, а также о «нечестивых поступках» (*nefaria facinora*) карфагенян в эпоху Пунических войн (Sall. *Cat.* 51.6).

Таким образом, к началу эпохи Принципата в римской литературной традиции, равно как и в коллективном сознании римлян, существовал негативный стереотип в отношении уроженцев Африки и всего, что так или иначе было с ней связано. Тем удивительнее на этом безотрадном фоне выглядит феномен мавретанского царя Юбы II — человека эллинистической культуры и космополита, «интеллектуала на троне», которого Август удостоил своей дружбы, а Плутарх впоследствии назвал «самым ученым и образованным среди царей» (Plut. *Ant.* 87. Пер. С. П. Маркиша).

Юба II, сын нумидийского царя Юбы I, убежденного врага Цезаря и сторонника республиканцев²⁵, был правнуком Гауды — брата Югурты и внука прославленного Масиниссы²⁶. Дедом Юбы II был «историк на троне» Гиеспал II, получивший от сената звание *rex amicus*. Вероятно, Юба родился в начале 48 г. до н. э. После разгрома республиканцев при Тапсе и гибели Юбы I в 46 г. до н. э. маленького сына нумидийского царя захватили римляне и в качестве живого трофея отправили в Рим, где ему было суждено принять участие в грандиозном триумфе Цезаря. После завершения триумфального шествия Цезарь, видимо, оставил ребенка в своей семье. Возможно, имя Юба ему дали уже в Риме в честь отца, поскольку в династии Масиниссы почти никогда не повторялись личные имена. Как писал о Юбе Плутарх, «он попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей» (Plut. *Caes.* 55. Пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова. Ср.: App. *Bell. Civ.* 2.101).

После гибели Цезаря в марте 44 г. до н. э. четырехлетний Юба, скорее всего, оказался в доме внучатой племянницы покойного диктатора Октавии Младшей. Здесь он получил воспитание и образование²⁷, здесь, видимо, свел короткое знакомство с сыном Октавии Марцеллом и будущим императором Тиберием (пасынком брата Октавии Октавиана). Очевидно, за эти годы Юба неплохо изучил греческий и латынь; кто конкретно его учил, неизвестно. Не подлежит никакому сомнению, что на юного интеллектуала оказали известное влияние видный историк Гай Азиний Поллион и прославленный антиквар Марк Теренций Варрон. Юба не мог не интересоваться историей Северной Африки — своей родины, и здесь к его услугам была нумидийская библиотека Гиеспала II, привезенная в Рим Саллюстием. Видимо, Юба уже в школьные годы дружил с будущим

²⁴ О *Punica fides* см.: Prandi 1979: 90 ff.; Thiel 1994: 129 sqq.

²⁵ Неприязнь к Цезарю возникла у Юбы Старшего еще в молодости, когда он приехал в Рим, чтобы защищать в суде интересы своего отца, царя Гиеспала II. Тогда Цезарь схватился с Юбой вруко-

пашную и оттаскал нумидийского принца за бороду (Suet. *Iul.* 71). Ср.: Cic. *Leg. agr.* 2.59.

²⁶ У Масиниссы было 44 сына (Athen. 12.518–519; Liv. *Ep.* 50).

²⁷ См.: Roller 2003: 59–75.

историком и географом Страбоном (см.: Strabo. 17.3.7; 9). Наконец, почти наверняка нумидийский принц, нашедший приют в доме сестры Октавиана, был знаком с Марком Випсанием Агриппой.

В дальнейшем Юба прославился своей «интернациональной литературной деятельностью»²⁸. Несомненно, уже в ранней юности этот незаурядный потомок Масиниссы проявил склонность к интеллектуальным занятиям. Во всяком случае, считается, что из его ученых трудов пять были написаны до 25 г. до н. э., т. е. до достижения Юбой 23-летнего возраста. Это историческое сочинение «Римские древности» в двух книгах, написанное, скорее всего, под влиянием Дионисия Галикарнасского, филологический труд «Подобия» в 15 книгах (сравнивая греческие и латинские слова, Юба пытался доказать, что латынь происходит от греческого языка. См.: Athen. 4.170e), первый в истории искусствоведческий трактат «О живописи» в восьми книгах, «История театра» в 17 книгах и, наконец, комментарий к «Путешествиям Ганнона»²⁹ (Plin. *Nat. Hist.* 6.200).

Сочинение Юбы «О живописи» (Phot. *Bibl.* 103a) цитирует лишь лексикограф Гарпократион Александрийский. Видимо, уже во времена Плиния Старшего оно было мало кому интересно, хотя сохранялось еще во II в. н. э. Скорее всего, трактат Юбы носил откровенно дилетантский и поверхностный характер, вследствие чего не представлял большого интереса ни для современников, ни для потомков и уже в I в. н. э. потерял свою актуальность и со временем был забыт.

Схожая судьба постигла «Историю театра». Этот фундаментальный трактат сохранил не менее 17 книг³⁰. В центре внимания Юбы, насколько можно судить, находилась драматургия. Сохранные Афинеем фрагменты трактата посвящены музыкальным инструментам и хореографии (Athen. 4.174–175). Скорее всего, в своих изысканиях Юба II опирался главным образом на труды такого авторитетного теоретика музыки, как Аристоксен Тарентский, а также философов-пифагорейцев. Как бы то ни было, посвященный театральному искусству трактат Юбы, видимо, был компилятивным по своему характеру и не отличался глубиной, вследствие чего мало использовался учеными позднейших поколений и в конечном счете также был забыт.

Когда в 27 г. до н. э. Август взял Юбу, наряду с Марцеллом и Тиберием, с собой в Испанию (Dio Cass. 51.15.6), он, видимо, предполагал таким образом достойно завершить римское обучение нумидийца: практика в суровых полевых условиях войны с испанскими племенами должна была закалить характер молодого принца, которого император прочил в правители клиентного царства. Около двух лет Юба воевал в Испании. Уже будучи царем Мавретании, он сохранял связи с испанцами: известно, что Юба обладал почетными званиями дуовира (*duovir*) и *patronus coloniae* в Гадесе и Новом Карфагене. Затем, в конце 25 г. до н. э., Август женил 23-летнего Юбу, к тому времени уже получившего права римского гражданства³¹, на 15-летней царице Киренаики Клеопатре

²⁸ Моммзен 1995: 459. О Юбе II как ученом и писателе см.: Gsell 1927. Сохранилось 104 фрагмента сочинений Юбы (Roller 2003: 9, п. 20).

²⁹ Видимо, царь ознакомился с текстом Ганнона в греческом переводе, после чего написал к нему комментарий.

³⁰ Ряд фрагментов этого сочинения Юбы сохранил Афиней. Ни Плиний Старший, ни Плутарх его не использовали.

³¹ Когда точно это произошло, неизвестно. Скорее всего, Юба стал римским гражданином уже в Испании.

Селене, дочери триумвира Марка Антония и последней правительницы птолемеевского Египта Клеопатры VII³² (Dio Cass. 51.15.6; 53.26.2; Plut. *Ant.* 87; Strabo. 6.4.2; 17.3.7; Tac. *Ann.* 4.5). Таким образом, романизованный нумидиец женился на полугречанке, полуримлянке — любопытный пример «интернационального» и мультикультурного брака эпохи постэллинизма³³. Юба и Клеопатра стали правителями Мавретании — клиентного царства, расположенного на территории современных Алжира и Марокко³⁴.

Этот брак длился около 20 лет, до самой смерти Клеопатры, умершей, скорее всего, в 5 г. до н. э. У Юбы II и Клеопатры Селены было двое детей: сын Птолемей Филадельф (родился между 13 и 9 гг. до н. э.) и дочь Друзилла (родилась около 8 г. до н. э.). Город Иол³⁵, в котором обосновалась царственная чета, был переименован в Кесарию (см.: Strabo. 17.3.12; Eutrop. 7.10). Впервые это название появляется на монетах Юбы II, датированных 6 г. н. э. Когда в городе поселились Юба и Клеопатра Селена, здесь началось активное строительство. С помощью римских архитекторов в Кесарии Мавретанской к 13 г. до н. э. были построены театр³⁶ и амфитеатр, затем гавань и маяк (не сохранились). От построек времен Юбы II мало что дошло до наших дней. Царь перестроил старый город, соорудил систему водопроводов и возвел (или реконструировал) царский мавзолей — каменную ротонду диаметром 32 м³⁷. В других городах Мавретании Юба, видимо, тоже немало строил.

Что касается скульптуры, то она, наряду с монетной чеканкой, являлась одним из компонентов династической программы мавретанских царей. Из галереи царственных предков Юбы II, чьи скульптурные портреты хранились в царской глиптотеке в Кесарии, сохранился лишь мраморный бюст Юбы I с длинными волосами, ныне находящийся в Лувре. Портреты Клеопатры VII из музеев в Берлине и Ватикане, видимо, происходят из Кесарии. При этом в самой Кесарии по сей день не найдено ни одного бесспорного портрета Клеопатры Селены. Существует вполне обоснованное мнение, что именно она изображена на серебряном блюде из Боскореале (Лувр). Всего до наших дней дошло девять скульптурных портретов Юбы и 12 портретов Птолемея Филадельфа.

Мавретанская царственная чета покровительствовала развитию наук и искусств³⁸. При дворе в Кесарии жили и творили известные ученые и художники того времени. Нам известны по именам драматург Леонтей из Аргоса, придворный врач, ботаник Эуфорб (брат Антония Музы³⁹, ученого времен Августа. См. Plin. *Nat. Hist.* 25.77), историки Азарубас и Корнелий Бокх, резчик по камню Гней из Александрии. Таким образом, при дворе Юбы II и Клеопатры Селены, как бы соединившем в «одну семью»

³² На шестом году совместного правления Юба II и Клеопатра Селена появились вместе на монетах.

³³ См.: McInerney 1999: 8–39.

³⁴ Официально Юба II был *rex socius amicusque* («союзник и друг»).

³⁵ Первым из царей в Иоле обосновался Миципса. В середине I в. до н. э. Иол был резиденцией мавретанского царя Бокха II (до самой его смерти в 33 г. до н. э.). Ныне это город Шершель в Алжире.

³⁶ Строительство театра было завершено около

13 г. до н. э. Видимо, это был первый пункт строительной программы Юбы II и Клеопатры Селены.

³⁷ *Monumentum commune regiae gentis* («памятник всему царскому роду»), как назвал этот мавзолей Помпоний Мела (Pomp. Mel. 1.26).

³⁸ См.: Roller 2003: 119 sqq.

³⁹ Как и Эуфорб, он, видимо, был вольноотпущенником триумвира Марка Антония.

африканцев и египтян⁴⁰, в полной мере проявился римский имперский мультикультурализм.

Несомненно, Юба II располагал богатой библиотекой. Кто из древних авторов был в ней представлен? Кое-что на этот счет мы можем предположить с высокой степенью вероятности. Так, известно, что царя интересовала пифагорейская философия, поэтому, несомненно, в его библиотеке были представлены труды философов-пифагорейцев. Наверняка на книжных полках Юбы свое почетное место занимали копии «пунийских книг» Гиёмсала II. Скорее всего, царь располагал экземплярами сочинений таких авторов, как Геродот, Полибий, Беросс, Ктесий Книдский, Евдокс из Кизика, Посейдоний, Саллюстий, Аристоксен Тарентский, Варрон, Александр Полигистор, Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Страбон, Николай Дамасский... Одним словом, речь должна идти о солидной подборке именитых авторов от Гомера до Цицерона.

Плиний Старший однажды заметил о Юбе II, что тот «больше прославился своей ученостью, чем как властитель» (Plin. Nat. Hist. 7.16). Уже будучи царем, Юба пополнил список своих сочинений трактатом по ботанике «Об Эуфорбионе», историко-этнографическими и географическими трудами «О Ливии», «Об Аравии» и «Об Ассирии», а также сборником эпиграмм (сохранилась лишь одна). Плодовитый писатель и пылкий ученый, Юба II был еще и неутомимым путешественником, активно изучавшим свои владения. Так, снаряженная царем экспедиция исследовала Канарские, т. е. Собачьи (от лат. *canis* — «собака»), острова, известные в ту эпоху благодаря породе собак — канарским догам.

На Канарах в античные времена добывали лишайник орсель, содержащий красный краситель высокого качества, а также смолу драконового дерева (*Dracena draco*) и моллюска-пурпурницу (*Purpura haemostoma*, или *buccinum*)⁴¹. Как показали археологические изыскания, на острове Могодор предприимчивый царь организовал мастерские по производству пурпурной краски.

В ходе экспедиции, направленной Юбой в горы Атласа, была открыта эуфорбия, или молочай⁴², — старинное средство народной медицины (Plin. Nat. Hist. 25.38). Название «эуфорбия» было дано растению в честь Эуфорба, придворного врача Юбы II, который открыл его в горах Атласа (Plin. Nat. Hist. 5.16. Ср.: Plin. Nat. Hist. 25.77–78, где речь идет о том, что открыл растение сам Юба). Первым сослался на сочинение Юбы «Об эуфорбии» автор медицинского трактата «О лекарственных веществах» Диоскорид из Аназарба (I в. н. э.). Плиний Старший и Гален тоже читали труд Юбы, который, в частности, описал, как выращивать молочай и получать из него сок.

Трактат Юбы II «О Ливии» был посвящен Северной Африке и в первую очередь, разумеется, Мавретании. Известны три книги этого труда, но их, скорее всего, было больше. Юба детально описал атлантическое побережье Африки и занялся поисками

⁴⁰ См.: Braund 1984: 175 (стихи Кринагора Митиленского).

⁴¹ Именно поэтому Канарские острова в античности также называли Пурпурными. Чтобы окрасить 1 кг шерсти, нужно было добыть не менее 30 тыс. мол-

люсков (200 г красителя).

⁴² Весьма обширное ботаническое семейство. Один лишь род Молочай в семействе Молочайные насчитывает около 500 видов.

истоков Нила на территории Мавретании (ср.: Vitruv. 8.2.6–7; Strabo. 17.3.4). Кроме того, он сообщил много интересного о вымершем виде лесных африканских слонов. Написанное по-гречески «О Ливии», несомненно, упрочило в глазах современников репутацию мавретанского царя как географа и этнографа. Видимо, ознакомившись с этим сочинением⁴³ Юбы, Август решил «прикомандировать» царя к свите своего внука Гая, когда тот решил отправиться в путешествие на Восток.

Во 2 г. до н. э. начался восточный вояж Гая Цезаря. По желанию Августа Юба присоединился к свите Гая, скорее всего, в качестве советника и «эксперта» по Египту и Аравии. В одной компании с Юбой оказались Гней Домиций Агенобарб (будущий отец Нерона), Элий Сеян (будущий префект претория при Тиберии) и царь Архелай I Каппадокийский (известный ученый того времени). Позднее, во 2–5 гг. н. э., Юба написал для Гая Цезаря труд «Об Аравии»⁴⁴ (Plin. *Nat. Hist.* 6.141; 12.56; 32.10), который, насколько можно судить, был посвящен описанию береговой линии и торговым путям в Индию (последние особенно интересовали Августа и его потенциального наследника Гая Цезаря).

Мавретанский царь участвовал в восточном путешествии Гая только на начальном этапе. В начале 2 г. н. э. Юба уехал в Каппадокию к царю Архелаю, на какое-то время осел при его дворе и даже женился на дочери Архелая Глафире⁴⁵. Однако вскоре по требованию Августа, видимо опасавшегося чрезмерного усиления клиентных царств, Юба развелся с Глафирой и вернулся в Мавретанию.

После завершения трактата «Об Аравии» (около 5 г. н. э.) Юба II почти ничего не писал (кроме стихов) и никуда не ездил. Ему уже перевалило за 50, и многие государственные дела он передоверил своему единственному сыну Птолемию Филадельфу — наследнику традиций египетских Птолемеев и нумидийских царей — потомков Масиниссы. К 21 г. н. э. Юба и Птолемей были соправителями. Ни тот, ни другой «не пользовались авторитетом у своих подданных и по личным своим качествам, и по той причине, что были римскими ленниками»⁴⁶. В 5 г. н. э. против власти римлян и их клиента, царя Юбы II, восстали гетулы, недовольные притеснениями властей (Dio Cass. 55.28.3–4; Vell. 2.116.2; Flor. 2.31.40), поскольку с местными жителями римляне обращались, по словам Страбона, «то как с друзьями, то по-вражески» (Strabo. 17.3.12. Пер. Г. А. Стратановского). Только через год восстание с трудом подавил проконсул Африки Косс Корнелий Лентул. Юба II отметил эту победу монетной чеканкой 6–7 гг. н. э. В 17 г. н. э. началось восстание нумидийца Такфарината (17–24 гг. н. э. См.: Тас. *Ann.* 4.23–26), которое продолжалось семь лет и потребовало активного вмешательства римлян. Юба II не дожил до его кровавого финала. Он умер в конце 23 г. н. э.⁴⁷ Покойного царя-эрудита в Мавретании обожествили (Min. Fel. 23), а в Афинах установили мемориальную статую в Птолемеевом гимнасии (Paus. 1.17.2). Наследник Юбы Птолемей, лишенный дарований отца, был в целом вполне ординарным человеком. Он оказался

⁴³ Впрочем, и оно в скором времени было забыто.

⁴⁴ По-видимому, трактат не дошел до адресата: в феврале 4 г. н. э. Гай Цезарь скончался.

⁴⁵ Вдова Александра, сына Ирода Великого. К тому

времени Юба уже около 7 лет был вдовцом.

⁴⁶ Моммзен 1995: 459.

⁴⁷ Или в начале 24 г. н. э. См.: Horat. *Od.* 1.22; Crinag. *Ep.* 18; 25.

последним царем Мавретании: в 40 г. н. э. внука Марка Антония казнили в Риме по приказу правнука триумвира, императора Гая Калигулы (Suet. *Cal.* 35.1). Впоследствии император Клавдий, доведившийся Птолемию Филадельфу троюродным братом, приказал установить статуи Юбы II и его сына в храме Венеры в Кесарии⁴⁸.

О заслугах Юбы II как ученого писали Плиний Старший (Plin. *Nat. Hist.* 5.16) и Плутарх (Plut. *Caes.* 55; *Sert.* 9), Тертуллиан (Tertull. *Apol.* 19.6) и Луций Ампелий (Ampel. 38.2). При этом стоит отметить, что среди современников Юбы было немало монархов, не чуждых ученым занятиям. Это и царь Каппадокии Архелай I, и армянский правитель Артавазд II (историк и драматург), и, наконец, Ирод I Великий. Однако на их фоне Юба II был исключительным явлением. Своей осведомленностью этот ученый-энциклопедист во многом был обязан собственному статусу царя и родственника императорской фамилии: Юба имел доступ к государственным архивам. Поэтому что касается «Римских древностей», то здесь его авторитет был равен, а, возможно, в чем-то даже превосходил авторитет таких «экспертов» и знатоков в этом вопросе, как Тит Ливий или Дионисий Галикарнасский. На редкость разносторонний писатель, царь Юба заявил о себе как историк и этнограф, географ и ботаник, поэт и драматург, искусствовед и театральный критик. На сочинения этого «ученого на троне» впоследствии охотно ссылались Плиний Старший, Плутарх и Афиней. Следовательно, труды Юбы читались еще во II в. н. э., однако впоследствии были утрачены. О литературном стиле писавшего по-гречески Юбы II ничего определенного сказать нельзя (см. *Ann. Mag.* 22.15.8–10).

Несмотря на то что творческое наследие Юбы II оказалось практически полностью утрачено (за исключением ряда фрагментов), его репутация «ученейшего из царей» (*rex literatissimus*), эрудита и одного из самых ярких представителей своего времени сомнению не подлежит. Современник Цезаря и Августа, Ирода I Великого и Клеопатры VII, Иоанна Крестителя и Иисуса Христа, этот потомок Масиниссы не потерялся на фоне грандиозных исторических событий, громких имен и великих идей, но занял свое достойное место среди выдающихся личностей, составивших славу и гордость той во многих отношениях переломной эпохи. Интеллектуал и книголюб, Юба II внес весомый вклад в распространение греко-римской культуры в Северной Африке, к тому времени ставшей неотъемлемой частью обширного политического и культурного пространства, которое известно сегодня как Римское Средиземноморье. На рубеже эр двор просвещенного мавретанского царя, воспитанника и друга императора Августа, стал центром взаимодействия самых разных культурных традиций, что было характерно для периода постэллинизма, наступившего в средиземноморском регионе после покорения Римом птолемеевского Египта⁴⁹. Сам Юба, варвар по рождению, в силу полученного им воспитания и образования стал человеком эллинистической культуры. Факт африканского происхождения, весьма одиозный в глазах римских традиционалистов, в рамках культурного пространства той космополитичной эпохи никакой роли не играл. Ведь еще Исократ ставил принадлежность к греческой культуре, воспитание и образование человека вне

⁴⁸ В 44 г. н. э. Клавдий образовал на территории бывшего Мавретанского царства две провинции: Мавретанию Тингитанскую (на западе) и Мавретанию Це-

зарейскую (на востоке).

⁴⁹ Сапрыкин 2008: 217 слл.

зависимости от его этнического происхождения (Isoc. *Paneg.* 50). Жизнь и деятельность Юбы II являют собой яркий пример того, как приобщение человека к элитарной культуре затушевывает и сводит на нет любые негативные стереотипы и предрассудки, связанные с его этническим происхождением.

Владимир Олегович Никишин

старший преподаватель исторического факультета
Московского государственного университета им.
М. В. Ломоносова
cicero74@mail.ru

Источники

- Amm. Marc.** Ammianus Marcellinus. *Res gestae*, I–III. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 300, 315, 331; Cambridge, 1939–1950).
- Ampel.** Ampelius. *Liber memorialis*. Hrsg. E. Assman (Bibliotheca Teubneriana) (Stuttgartiae, 1976).
- App. Bell. Civ.** Appianus, *Bellum civile*. With an English translation by H. White (The Loeb Classical Library 4–5; Cambridge, 1913).
- Apul. Apol.** Apuleius. *Apologia sive pro se de magia liber*. With Introduction and Commentary by H. E. Butler and A. S. Owen (Oxford, 1914).
- Athen.** Athenaeus. *Epulae sapientium*, I–VII. With an English translation by Ch. B. Gulick (The Loeb Classical Library 204, 208, 224, 235, 274, 327, 345; Cambridge, 1961–1970).
- Cic. Acad.** Cicero. *Academica*. With an English translation by H. Rackham (The Loeb Classical Library 268; Cambridge, 1967).
- Cic. Amicit.** Cicero. *De amicitia*. With an English translation by W. A. Falconer (The Loeb Classical Library 154; Cambridge, 1923).
- Cic. Att.** Cicero. *Ad Atticum*, I–IV. With an English translation by D. R. Shackleton Bailey (The Loeb Classical Library 7–8, 97, 491; Cambridge, 1999).
- Cic. Balb.** Cicero. *Pro Balbo*. With an English translation by R. Gardner (The Loeb Classical Library 447; Cambridge, 1958).
- Cic. Fin.** Cicero. *De finibus bonorum et malorum*. With an English translation by H. Rackham (The Loeb Classical Library 40; Cambridge, 1914).
- Cic. Har. resp.** Cicero. *De haruspicum responsis*. With an English translation by N. H. Watts (The Loeb Classical Library 158; Cambridge, 1923).
- Cic. Leg. agr.** Cicero. *De lege agraria*. With an English translation by J. H. Freese (The Loeb Classical Library 240; Cambridge, 1930).
- Cic. Nat. deor.** Cicero. *De natura deorum*. With an English translation by H. Rackham (The Loeb Classical Library 268; Cambridge, 1967).
- Cic. Off.** Cicero. *De officiis*. With an English translation by W. Miller (The Loeb Classical Library 30; Cambridge, 1913).

- Cic. Phil.** Cicero. *Philippicae*. With an English translation by D. R. Shackleton Bailey (The Loeb Classical Library 189, 507; Cambridge, 2010).
- Cic. Qu. fr.** Cicero. *Ad Quintum fratrem*. In: *Epistulae ad Quintum fratrem. Epistulae ad M. Brutum. Commentariolum petitionis. Fragmenta epistolarum*. Ed. D. R. Shackleton Bailey (Bibliotheca Teubneriana) (Stuttgart, 1988).
- Cic. Rep.** Cicero. *De re publica*. With an English translation by C. W. Keyes (The Loeb Classical Library 213; Cambridge, 1928).
- Cic. Rosc. Am.** Cicero. *Pro Roscio Amerino*. With an English translation by J. H. Freese (The Loeb Classical Library 240; Cambridge, 1930).
- Cic. Scaur.** Cicero. *Pro Scauro*. With an English translation by N. H. Watts (The Loeb Classical Library 252; Cambridge, 1931).
- Cic. Senect.** Cicero. *De senectute*. With an English translation by W. A. Falconer (The Loeb Classical Library 154; Cambridge, 1923).
- Cic. Tusc.** Cicero. *Tusculanae disputationes*. With an English translation by J. E. King (The Loeb Classical Library 141; Cambridge, 1927).
- Cic. Verr.** Cicero. *In Verrem*. With an English translation by L. H. G. Greenwood (The Loeb Classical Library 293; Cambridge, 1935).
- Crinag. Ep.** Crinagoras. *Epigrammata*. The Greek anthology: hellenistic epigrams. Ed. A. S. F. Gow and D. L. Page (Cambridge, 1965), I–II.
- Dio Cass.** Dio Cassius. *Romaike historia*, I–IX. With an English translation by E. Cary, H. B. Foster (The Loeb Classical Library 32, 37, 53, 66, 82, 83, 175, 176, 177; Cambridge, 1914–1927).
- Eutrop.** Eutropius. *Breviarium historiae Romanae*. Hrsg. C. Santini (Bibliotheca Teubneriana) (Leipzig, 1979).
- Flor.** Florus. *Epitome historiae Romanae*. With an English translation by E. S. Forster (The Loeb Classical Library 231; Cambridge, 1929).
- Horat. Od.** Horatius. *Odes*. With an English translation by N. Rudd (The Loeb Classical Library 33; Cambridge, 2004).
- Isocr. Paneg.** Isocrates. *Panegericus*. With an English translation by G. Norlin (The Loeb Classical Library 209; Cambridge, 1928).
- Liv.** Livius. *Historiae Romanae*, I–XIV. With an English translation by J. C. Yardley, B. O. Foster, E. T. Sage, F. G. Moore, A. C. Schlesinger (The Loeb Classical Library 114, 133, 172, 191, 233, 295, 301, 313, 332, 355, 367, 381, 396, 404; Cambridge, 1917–1959).
- Liv. Ep.** Livius. *Epitomes*. With an English translation by A. C. Schlesinger (The Loeb Classical Library 404; Cambridge, 1959).
- Min. Fel.** Minutius Felix. *Octavius*. Translated and annotated by G. W. Clarke (Ancient Christian Writers; the works of the Fathers in translations, 39) (New York, 1974).
- Non.** Nonius. *De compendiosa doctrina*, II. Ed. W. M. Lindsay (Lipsiae, 1904).
- Paus.** Pausanias. *Graeciae descriptio*, I–V. With an English translation by W. H. S. Jones (The Loeb Classical Library 93, 188, 272, 297, 298; Cambridge, 1918–1935).
- Phot. Bibl.** Photius. *Bibliotheka*, I. Translated by J. H. Freese (London, 1920).
- Plin. Nat. Hist.** Plinius. *Naturalis historia*, I–X. With an English translation by H. Rackham, W. H. S. Jones, D. E. Eichholz (The Loeb Classical Library 330, 352, 353, 370, 371, 392, 393, 394, 418, 419; Cambridge, 1938–1963).

- Plut. Ant.** Plutarchus. *Antonius*. With an English translation by B. Perrin (The Loeb Classical Library 101; Cambridge, 1920).
- Plut. Caes.** Plutarchus. *Caesar*. With an English translation by B. Perrin (The Loeb Classical Library 99; Cambridge, 1919).
- Plut. Cic.** Plutarchus. *Cicero*. With an English translation by B. Perrin (The Loeb Classical Library 99; Cambridge, 1919).
- Plut. Sert.** Plutarchus. *Sertorius*. With an English translation by B. Perrin (The Loeb Classical Library 100; Cambridge, 1919).
- Pomp. Mel.** Pomponius Mela. *De chorographia*. Ed. A. Silberman (Paris, 1988).
- Propert. Eleg.** Propertius. *Elegiae*. With an English translation by G. P. Gould (The Loeb Classical Library 18; Cambridge, 1990).
- Sall. Cat.** Sallustius. *Coniuratio Catilinae*. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 116; Cambridge, 2013).
- Sall. Hist.** Sallustius. *Historiae*. With an English translation by J. T. Ramsey (The Loeb Classical Library 522; Cambridge, 2015).
- Sall. Iug.** Sallustius. *Bellum Iugurthinum*. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 116; Cambridge, 2013).
- Strabo** Strabo. *Geographika*, I–VIII. With an English translation by H. L. Jones (The Loeb Classical Library 49, 50, 182, 196, 211, 223, 241, 267; Cambridge, 1917–1932).
- Suet. Aug.** Suetonius. *Divus Augustus*. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 31; Cambridge, 1914).
- Suet. Cal.** Suetonius. *Caligula*. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 31; Cambridge, 1914).
- Suet. Iul.** Suetonius. *Divus Iulius*. With an English translation by J. C. Rolfe (The Loeb Classical Library 31; Cambridge, 1914).
- Tac. Ann.** Tacitus. *Annales*. With an English translation by C. H. Moore, J. Jackson (The Loeb Classical Library 249, 312, 322; Cambridge, 1931–1937).
- Tertull. Apol.** Tertullianus. *Apologia*. Tertulliani opera I–II (Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. I–II. Turnholti, 1953–1954).
- Tertull. De anima** Tertullianus. *De anima*. Tertulliani opera I–II (Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. I–II. Turnholti, 1953–1954).
- Vell.** Velleius Paterculus. *Historia Romana*. With an English translation by F. W. Shipley (The Loeb Classical Library 152; Cambridge, 1924).
- Vitruv.** Vitruvius. *De architectura*. With an English translation by F. Granger (The Loeb Classical Library 251, 280; Cambridge, 1931–1934).

ЛИТЕРАТУРА

- Моммзен 1995** Моммзен Т. *История Рима*, V (Санкт-Петербург, 1995).
- Никишин 2000** Никишин В. О. «Варварство» и «цивилизация» в понимании Саллюстия. В кн.: *Древний Восток и античный мир*, III (Москва, 2000): 82–93.
- Никишин 2010** Никишин В. О. *О некоторых аспектах феномена mors Romana*. В кн.: *Studia historica*, X (Москва, 2010): 130–141.

- Никишин 2012** Никишин В. О. *Metus Gallicus u metus Punicus: возникновение, эволюция и финал*. В кн.: *Studia historica*, XII (Москва, 2012): 119–135.
- Никишин 2014** Никишин В. О. *Образ карфагенянина в римской литературной традиции*. В кн.: *Lanterna nostra. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк*. Сборник статей (Санкт-Петербург, 2014): 302–310.
- Никишин 2014а** Никишин В. О. *О некоторых аспектах metus hostilis в Риме эпохи Республики*. В кн.: *Восток, Европа, Америка в древности*, III. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений / *Труды исторического факультета МГУ*. Вып. 68. Сер. 2. Исторические исследования. № 29а (Москва, 2014): 272–278.
- Никишин 2015** Никишин В. О. *Феномен metus hostilis: возникновение и эволюция*. В кн.: *Древний мир: история и археология*. Труды 1-й и 2-й Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В. Ф. Семенова МПГУ (8 декабря 2012 г.) (6 декабря 2014 г.). Сост. и отв. ред. Ю. В. Куликова (Москва, 2015): 77–88.
- Сапрыкин 2008** Сапрыкин С. Ю. *О хронологических границах эпохи эллинизма*. В кн.: *История: мир прошлого в современном освещении*. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. Под ред. проф. А. Ю. Дворниченко (Санкт-Петербург, 2008): 213–234.
- Чисталёв 2014** Чисталёв М. С. *Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе (середина I в. до н. э. — начало III в. н. э.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Нижний Новгород, 2014).
- Чисталёв 2014а** Чисталёв М. С. *Антиегипетская политическая пропаганда Октавиана Августа в римской поэзии: образ Клеопатры как врага Рима*. В кн.: *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Сер. История. №1(2) (Нижний Новгород, 2014): 293–300.
- Arnaldi 1941** Arnaldi F. “Humanitas”, *Romana* 5 (1941): 169–188.
- Baldry 1962** Baldry H. C. *The Idea of the Unity of Mankind*. In: *Grecs et barbares* (Entretiens sur l’antiquité classique 8; Vandoeuvres-Genève, 1962): 167–195.
- Balsdon 1979** Balsdon J. P. V. D. *Romans and Aliens* (London, 1979).
- Braund 1984** Braund D. “Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile”, *The Classical Quaterly* 34 (1984): 175–178.
- Burck 1943** Burck E. *Das Bild der Karthager in der römischen Literatur*. In: Vogt J. (Ed.) *Rom und Karthago* (Leipzig, 1943): 297–345.
- Cassola 1983** Cassola F. *Tendenze filopuniche e antipuniche in Roma*. In: *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici*, I (Roma, 1983): 35–59.
- Dauge 1981** Dauge Y. A. *Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization* (Collection Latomus 176; Bruxelles, 1981).
- Devallet 1996** Devallet G. “Perfidia plus quam Punica: l’image des Carthaginois dans la littérature latine, de la fin de la République à l’époque des Flaviens”, *Lalies: Actes des sessions de linguistique et de littérature* 16 (1996): 17–28.
- Gruen 2006** Gruen E. S. *Romans and Others*. In: Rosenstein N., Morstein-Marx R. (ed.) *A Companion to the Roman Republic* (Oxford, 2006): 459–477.
- Gsell 1927** Gsell S. “Juba II, savant et écrivain”, *Revue africaine* 68 (1927): 169–197.
- Guillemin 1955** Guillemin A. M. “Cicéron entre le genie grec et le «mos maiorum»”, *Revue des Études Latines* 33 (1955): 209–230.

- Isaac 2006** Isaac B. H. *The Invention of Racism in Classical Antiquity* (Princeton, 2006).
- Lovejoy, Boas 1935** Lovejoy A., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity* (Baltimore, 1935).
- Mantel 1991** Mantel N. *Poeni foedifragi: Untersuchungen zur Darstellung römisch-karthagischer Verträge zwischen 241 und 201 v. Chr. durch die römische Historiographie* (München, 1991).
- Matthews 1972** Matthews V. J. “The Libri Punici of King Hiempsal”, *American Journal of Philology* 93 (1972): 330–335.
- Mayer 1950** Mayer J. *Humanitas bei Cicero*. PhD thesis (Freiburg, 1950).
- McInerney 1999** McInerney J. *The Folds of Parnassos: Land and Ethnicity in Ancient Phokis* (Austin, 1999).
- Nybakken 1939** Nybakken O. E. “Humanitas romana”, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 70 (1939): 396–413.
- Opelt, Speyer 1992** Opelt I., Speyer W. s. v. “Barbar (I)”. In: *Reallexicon für Antike und Christentum*. Suppl. I. 5/6. (Stuttgart, 1992): 838–839.
- Prandi 1979** Prandi L. *La “fides punica” e il pregiudizio anticartaginese*. In: Sordi M. (ed.) *Conoscenze etniche e rapporti di convivenze nell’antichità* (Contributi dell’Istituto di storia antica 6; Milano, 1979): 90–97.
- Roller 2003** Roller D. W. *The World of Juba II and Kleopatra Selene. Royal scholarship on Rome’s African frontier* (London, 2003).
- Ruch 1958** Ruch M. “Nationalisme culturel et culture internationale dans la pensée de Ciceron”, *Revue des Études Latines* 36 (1958): 187–204.
- Ruch 1970** Ruch M. *Études cicéroniennes* (Paris, 1970).
- Snowden 1970** Snowden F. M. *Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience* (Cambridge, 1970).
- Snowden 1983** Snowden F. M. *Before Color Prejudice: The Ancient View of Blacks* (Cambridge, 1983).
- Syed 2005** Syed Y. *Romans and Others*. In: Harrison S. (ed.) *A Companion to Latin Literature* (Oxford, 2005): 360–371.
- Thiel 1994** Thiel J. H. *Punica fides*. In: Wallinga H. T. (ed.) *Studies in Ancient History* (Amsterdam, 1994): 129–150.
- Thompson 1989** Thompson L. A. *Romans and Blacks: Social Perceptions of Somatic Distance in the Aethiops in Roman Antiquity* (London, 1989).
- Waldherr 2000** Waldherr G. H. “‘Punica fides’: Das Bild der Karthager in Rom”, *Gymnasium* 107 (2000): 193–222.

Vladimir O. Nikishin

HOW THE CULTURE OVERCAME A NEGATIVE STEREOTYPE: THE PORTRAIT OF KING JUBA II OF MAURETANIA IN THE CONTEXT OF ROMAN ETHNIC PREJUDICES

By the end of the Republican epoch, the Roman collective consciousness had formed a lot of ethnic prejudices concerning Africa and the Africans. The author of this article analyzes a biography of Juba II, one of the client kings of Rome, who reigned in the vassal kingdom of Mauretania (25 BC — 23 AD), in the context of those prejudices. King Juba, who had received a brilliant education, in spite of his African origin, was a man of the Hellenistic culture and entered into history as *rex literatissimus* and the erudite writer. Juba II made a great contribution to the spreading of Graeco-Roman culture in North Africa. The royal court of this educated Mauretanian monarch became the center of cultural exchange in the period of posthellenism, which came after the Roman conquest of Ptolemaic Egypt. The life and activities of Juba II became the example of how one's attachment to the high culture had eliminated a negative stereotype and prejudices concerning his ethnic origin.

Keywords: Juba II, Cleopatra Selene, Mauretania, ethnic prejudices, Africans, Phoenicians, Carthaginians, Egyptians, Sardinians, "Punica fides".